

**«И свет во тьме светит,
и тьма не объяла его.»**

**«Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.»**

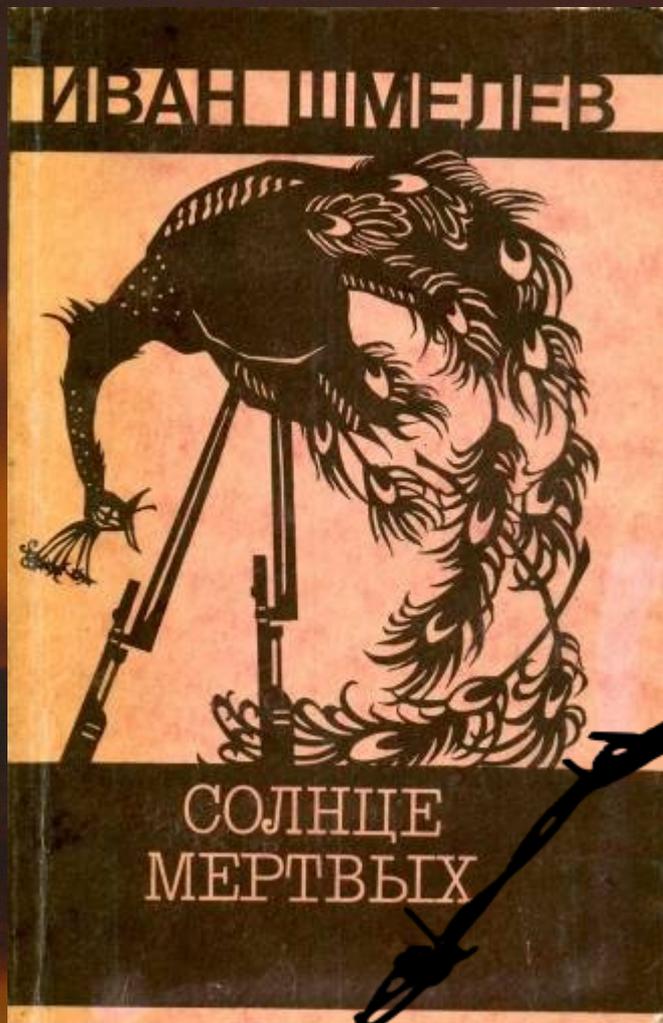
Анна Ахматова «Реквием»

«Все же вы не слабейте душою,
Как придет испытаний пора –
Человечество живо одною
Круговою порукой добра!»

Где бы сердце вам жить ни велело,
В шумном свете иль сельской тиши,
Расточайте без счета и смело
Вы сокровища вашей души!

Не ищите, не ждите возврата,
Не смущайтесь насмешкою злой,
Человечество все же богато
Лишь порукой добра круговой!»

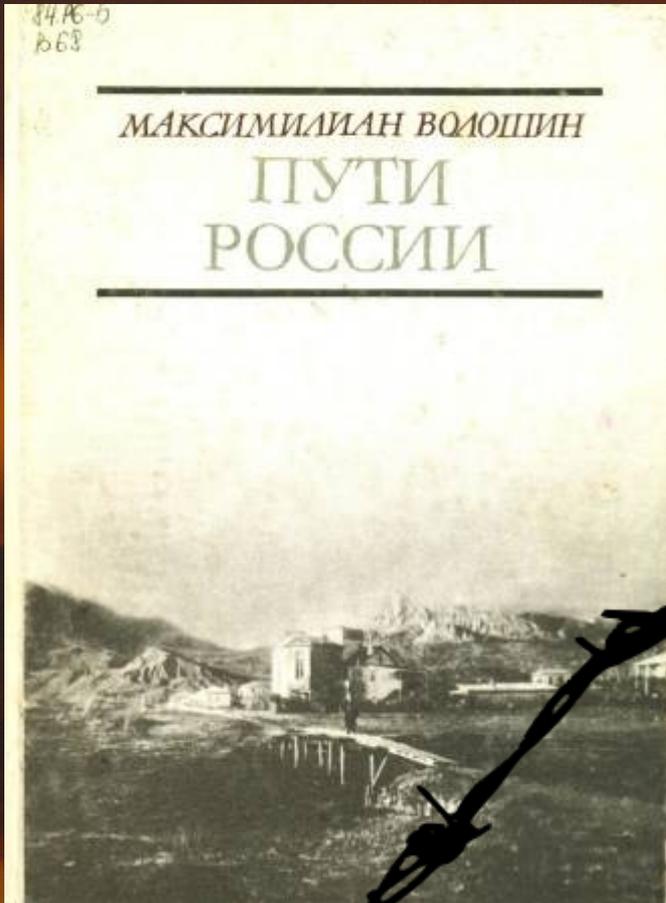
Эти стихи написала
безвестная монашка, а
известны они стали
благодаря Марине
Цветаевой, которая их
нашла, записала и
оставила в наследие всем
людям, как простейшие,
но лучшие, на ее взгляд,
стихи.

Все уходило. Сам цветущий Крым
Уже задумывался об уходе.
В ошеломляемой людьми природе
Таилась жуть. Ставало все пустым.
И море посинелым и густым
Баском ворчало о людской свободе.
И солнце в безучастном небосводе
Светило умирающим живым.
Да, над людьми, в страданьях
распростертых,
Глумливое светило солнце мертвых
В бессмысленно-живом своем огне,
Как злой дракон совсем из Сологуба,
И в смехе золотом все было грубо
Затем, что в каждом смерти была окне...

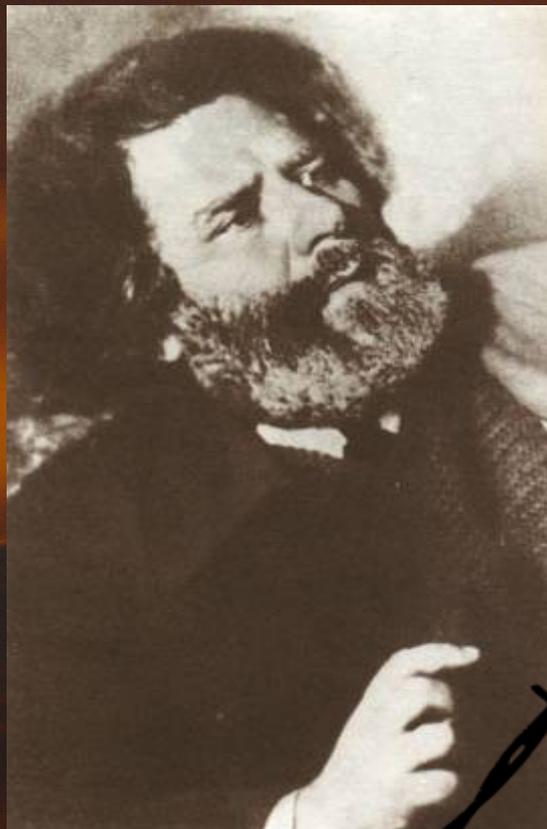
Игорь Северянин

**«Темны и неисповедимы.
Твои последние пути.
И не допустят с них сойти.
Сторожевые серафимы.»**

Кто у часовни Ильи-Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
— «Не реви — собакам собачья смерть!»

А она не уходит, а всё плачет и плачет
И отвечает солдату, глядя в глаза:
— «Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»

«В этом ветре - гнет веков свинцовых,
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса -
Чертогона, вихря, свистопляса -
Быль царей и явь большевиков.

...

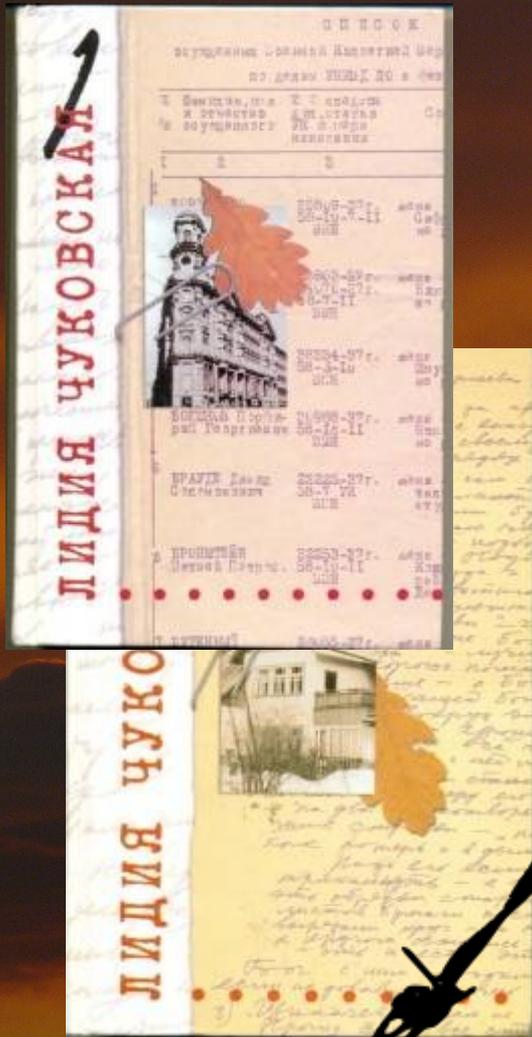
Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток,
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычайек -
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей...»

М. Волошин «Северовосток»

«Нам слово *гибель*, узкое и злое,
Привычней слов: *письмо, берёза, дом*.
Оно своё, оно как хлеб родное –
Ведь запросто мы с *гибелью* живём.»

«Она знала уже, выходя из дому после
краткого сна, что на улице, на лестнице,
в коридоре, в зале...будут женщины,
женщины, женщины, старые и молодые,
в платках и в шляпах, с грудными
детьми и с трехлетними и без детей –
плачущие от усталости дети и тихие,
испуганные, немногословные
женщины...»

«Софья Петровна»

Лидия Чуковская, 1927 год.
Снимал М. Наппельбаум

«Слово *мир* – а на душе тревога.
Слово *радость* – на душе ни звука.
Что же ты, побойся, сердце, Бога,
Разумеешь только слово – *мука*?

Всё стучишь: крута зима в Нарыме,
Бухенвальд, Норильск, Тайшет,
Освенцим.

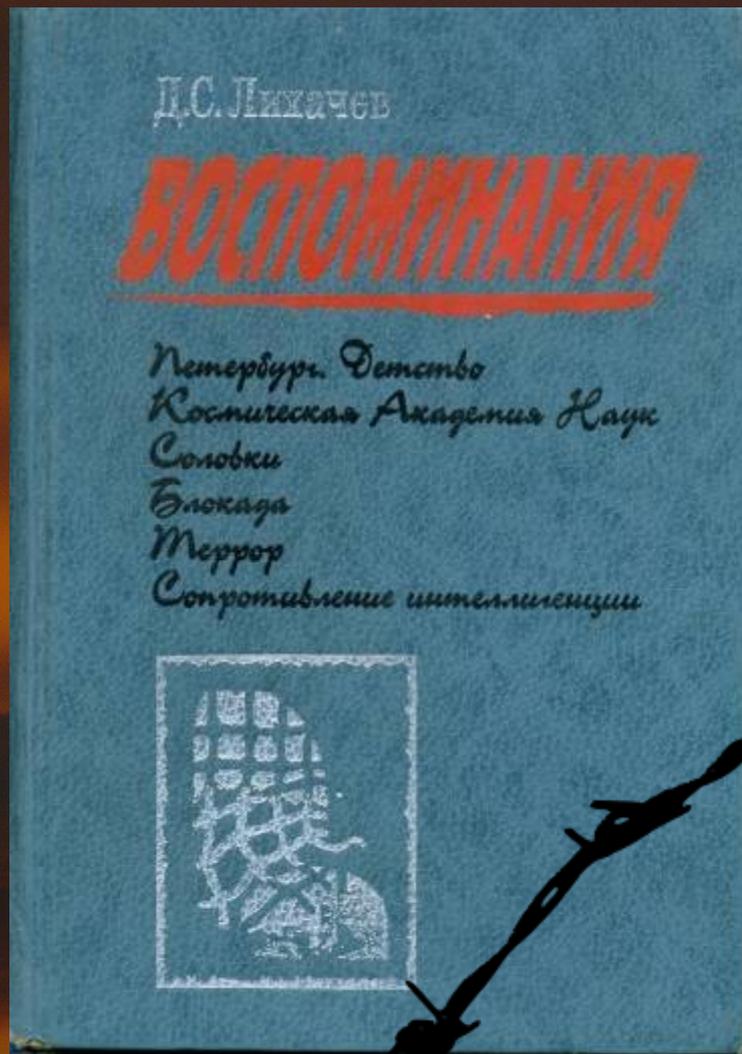
Если б можно было память вынуть,
Не рассказывать про это детям!

Но без ладанки стучится в грудь –
Память, трепет, пепел: не забудь!»

Май 1945

«В эту ночь и во все предыдущие ночи и дни, меня мучило не горе, а что-то худшее: непостижимость и неназываемость происходящего. Горе? Разве горе такое? У горя есть имя и если ты достаточно мужественен, ты окажешься в силах произнести его. Но случившееся с нами лишено имени, потому что лишено смысла. Сон, кошмар? Нет, не следует клеветать на кошмары... Мне казалось, что голова у меня кружится и сердце медленно тяжелеет не от шестнадцати часов, проведенных на ногах, а от бесплодных усилий понять случившееся и дать ему имя.»

«Спуск под воду»

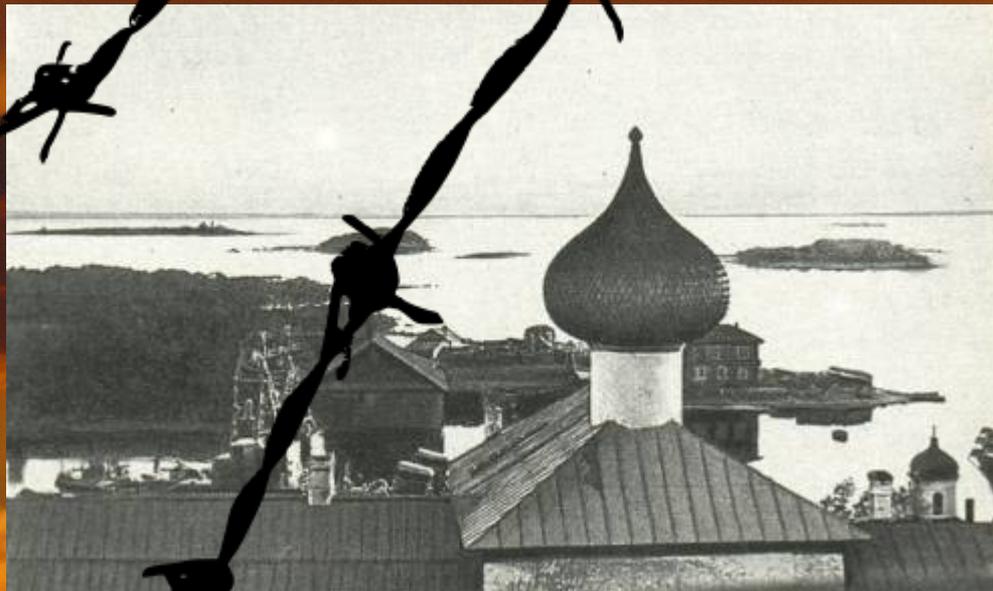

«...каждый день – подарок Бога.
Мне нужно жить насущным днём и
быть благодарным за каждый день.
Поэтому не надо бояться ничего на
свете.»

«Мы находились в грубом и свирепом мире кошмарного сновидения.»

«Соловки были именно тем местом, где человек сталкивался с чудом и с обыденностью, монастырским прошлым и с лагерным настоящим, с людьми всех уровней нравственности – от высочайшей до самой позорно низкой.»

«...Столетий каменные сновиденья,
Мечты, запечатленные навек,
Исполненный тревожным изумленьем
Пред ними замирает человек.

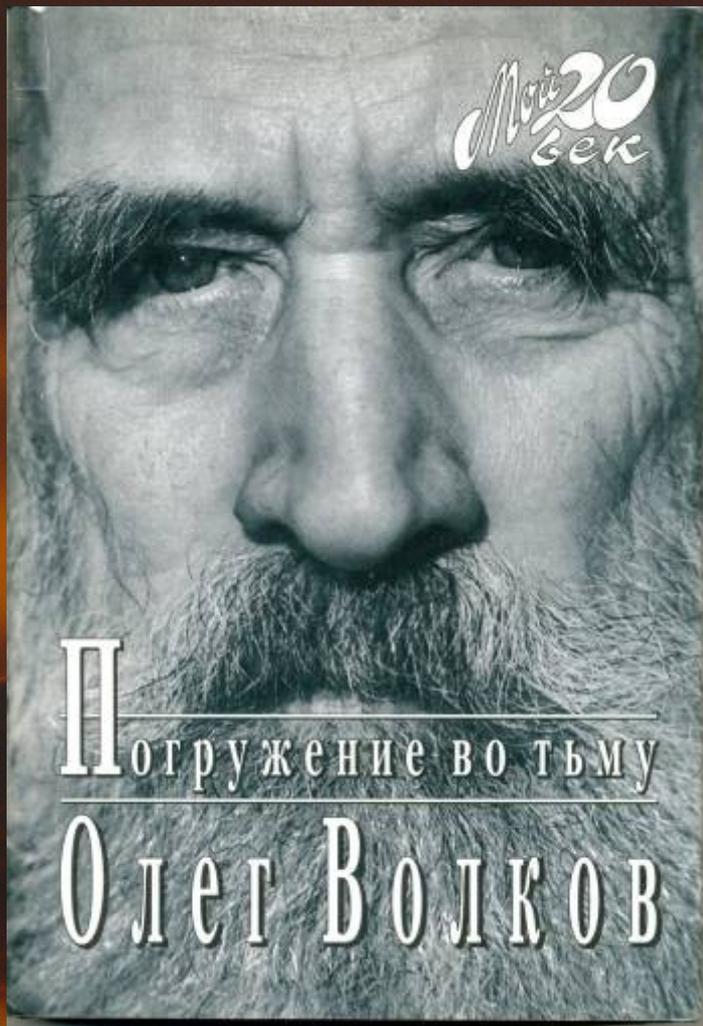
И вслушивается, и понимает
Немой язык тоскующей красы,
И малодушная душа яснее
Последние предчувствует часы.

Он слышит молчаливые рыдания,
Крик, затаенный в недрах тишины,
О том, что по несбыточном страданьи
Бессмертные грустить обречены.

О том, что даже в смерти не блаженства,
Что смерть и жизнь – лишь отблески судьбы,
И есть томленье по несовершенству –
Первоисточник мира, может быть.»

«Я последний, кто
был с Володей в
Соловецком лагере.
Все другие умерли
от болезней или
расстреляны. Я
публикую их, как
бы прижимая к
сердцу...»

Д.Л.

**«...Я поздно встал, и на дороге
Застигнут ночью Рима был.»**
Ф.И. Тютчев «Цицерон»

Олег Васильевич Волков (1900 –1996) – человек-легенда. «Он мог бы дожить до ста! Таким был наделен великим здоровьем и духом... Будто Господь засчитал ему тридцать лет сталинских лагерей в «зачет» – было у Волкова шесть реабилитаций по шести приговорам. Если бы не несчастный случай...»

«...Но тот, кто тянет на горбу
свою недолю – и выносит,
кого косою неправда косит,
а он лишь закусил губу;

кто нищ, бездомен и гоним,
он, прах гребущий по дорогам,
как Иов, не оставлен Богом,
но ревностно возлюблен им.»

Олег Чухонцев

The background of the image is a sunset or sunrise scene. The sky is filled with warm, golden-orange light, transitioning to a darker blue at the top. In the foreground, there are dark silhouettes of trees and a prominent, diagonal line of barbed wire stretching across the frame from the bottom left towards the top right. The text is overlaid on this background in a white, serif font.

«Границы человеческого сочувствия ограничены
возможностью спасти и помочь или хотя бы пожалеть.
Наша черствость равна честности тогда, когда мы ничего
не можем сделать. В масштабах ГУЛАГа сочувствие
невозможно. Это ужас и страх, а не чувство.
Безразмерность. Империю не измерить человеком.
Но только человеком и можно...

Когда вы проходите всю историю ГУЛАГа с одним
человеком, вы не только ужасаетесь, но и испытываете
это. И не верите, что могли бы выдержать.»

Андрей Битов

«Мой дорогой, с чего ты так сияешь?
Путь ложных солнц – совсем не лёгкий
путь!»

А мне уже неделю не заснуть:
Заснёшь – и вновь по снегу зашагаешь,
Опять услышишь ветра сиплый вой,
Скрип сапогов по снегу, рёв конвоя:
«Ложись!» - и над соседней головой
Взметнётся вдруг легчайшее сквозное
Мгновенное сиянье снеговое –
Неуловимо тонкий острый свет:
Шёл человек – и человека нет!»

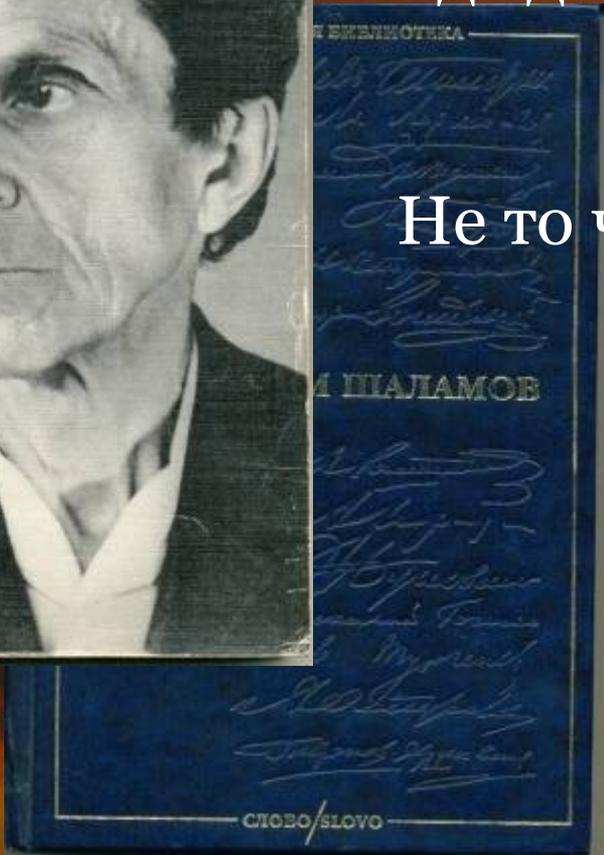
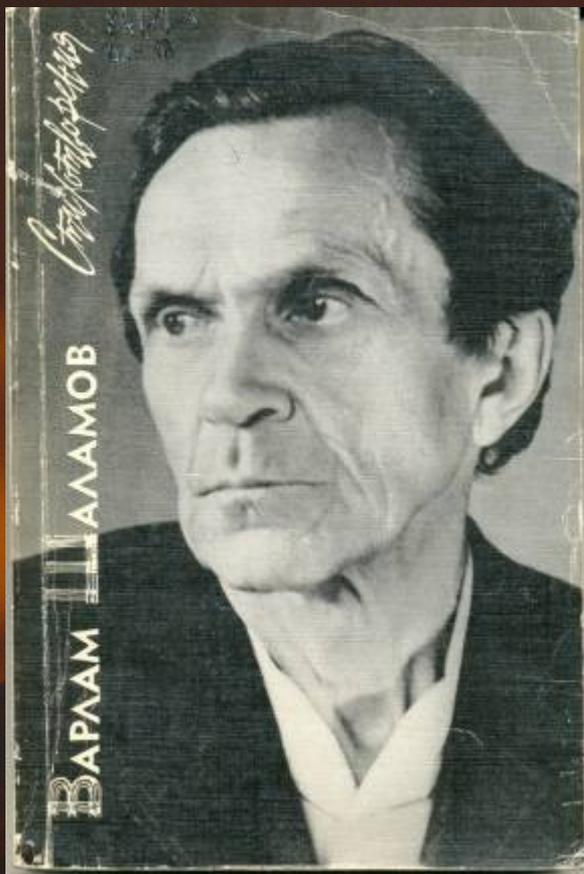
Ю. Домбровский «Убит при попытке к бегству»

«Всё те же снега Аввакумова века,
Всё та же раскольничья злая тайга,
Где днём и с огнём не найдёшь
человека,

Не то чтобы друга, а даже врага.»

Варлам Шаламов

«Он сменит без людей, без книг,
Одной природе веря,
Свой человеческий язык
На междометье зверя.
Руками выроет ночлег
В хрустящих листьях шалых
Тот одинокий человек,
Интеллигент бывалый.
И выступающим ребром
Натягивая кожу,
Различья меж добром и злом
Определить не сможет.
Но вдруг, умывшись на заре
Водой ключевой,
Поднимет очи на горе
И точно волк завоюет...»

Варлам Шаламов

Виктор Эмиль Франкл – австрийский психиатр, психолог, философ.

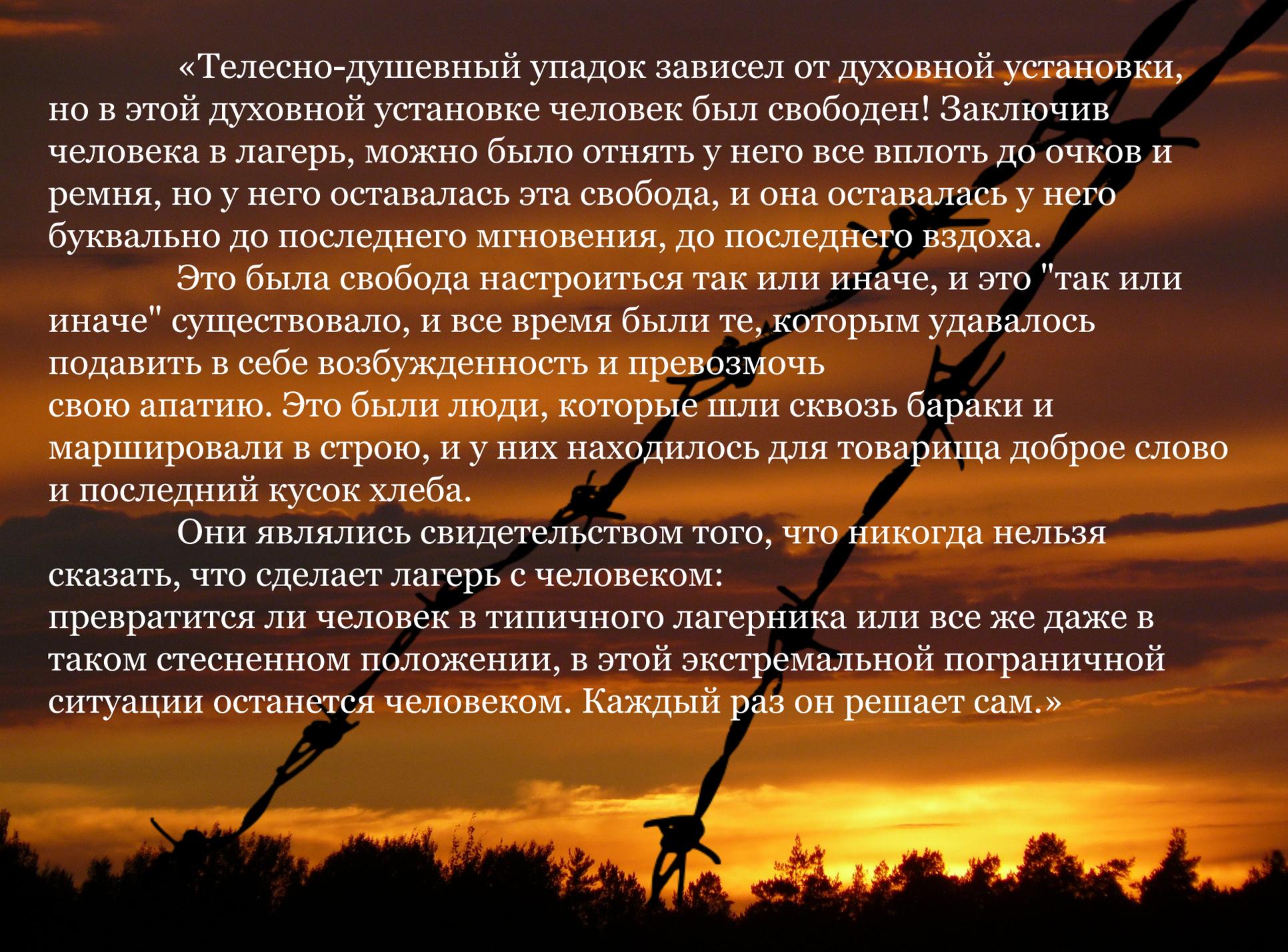
Книга, которая помогает выжить, когда больно и не хочется искать смыслы... Это не просто психология, преподнесенная искусным мастером в белом халате, это опыт, боль и жизнь... Она не расскажет вам, в чем смысл жизни, не решит ваши проблемы. В ней просто спрятан луч света, который осветит темные уголки сознания, и вы поймете: как жить, чего бояться, кого любить, о чем мечтать, **МЫ ВЫБИРАЕМ САМИ.**

Печи Освенцима и Дахау требовали топлива, и Виктору Франклу предстояло стать одним из миллионов поленьев в их адском пламени. Он, однако, выжил. Здесь сошлись и случайность, и закономерность. Случайность — что он не попал ни в одну из команд, направлявшихся на смерть. Закономерность — что он прошел через все это, сохранив себя, свою личность, свое «упрямство духа», как он называл способность человека не поддаваться, не ломаться под ударами. В концлагерях получил проверку и подтверждение его взгляд на человека, и вряд ли удастся найти хоть одну психологическую теорию личности, которая была бы в такой степени лично выстрадана и оплачена такой дорогой ценой.

ДА БУДЕТ НА ВЕКА
КРИКОМ ОТЧАЯНИЯ
И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕМ
ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ЭТО МЕСТО
ГДЕ ГИТЛЕРОВЦЫ УНИЧТОЖИЛИ
ОКОЛО ПОЛУТОРА МИЛЛИОНОВ
МУЖЧИН, ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ,
БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ ЕВРЕЕВ,
ИЗ РАЗНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ.

АУШВИЦ - БИРКЕНАУ
1940 - 1945 ГГ.

The background of the image is a sunset with a warm orange and yellow glow. In the foreground, there are dark silhouettes of barbed wire strands and a line of trees. The text is overlaid on this background.

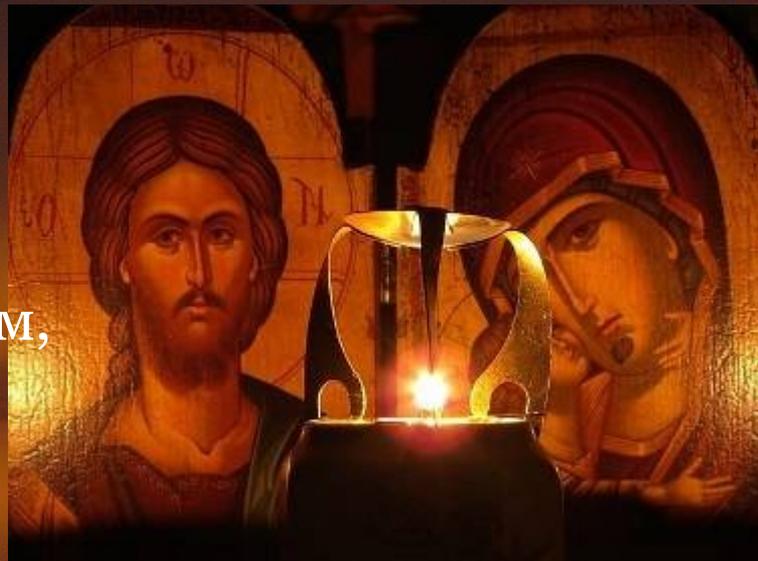
«Телесно-душевный упадок зависел от духовной установки, но в этой духовной установке человек был свободен! Заключив человека в лагерь, можно было отнять у него все вплоть до очков и ремня, но у него оставалась эта свобода, и она оставалась у него буквально до последнего мгновения, до последнего вздоха.

Это была свобода настроиться так или иначе, и это "так или иначе" существовало, и все время были те, которым удавалось подавить в себе возбужденность и превозмочь свою апатию. Это были люди, которые шли сквозь бараки и маршировали в строю, и у них находилось для товарища доброе слово и последний кусок хлеба.

Они являлись свидетельством того, что никогда нельзя сказать, что делает лагерь с человеком: превратится ли человек в типичного лагерника или все же даже в таком стесненном положении, в этой экстремальной пограничной ситуации останется человеком. Каждый раз он решает сам.»

МОЛИТВА О РОССИИ

Отче наш Всемилостивый!
Россиюшку Твою многострадную
не покинь в ошеломлении нынешнем,
в её израненности, обнищании
и в смутности духа!

Господи Вседержитель!
Не дай ей, не дай пресечься: не стать больше быть.
Сколько прямодушных сердец и сколько талантов Ты
поселил в русских людях. Не дай им загинуть, погрузиться
во тьму, — не послуживши во имя Твоё!

Из глубин Беды — вызволи народ Свой неукладный.

А.И. Солженицын